

В.В. Шаповал

Причины ошибок в русских словарях

В статье рассмотрены причины возникновения ошибок в русских словарях. Автор выявляет такие их виды, как *лексикографическая инерция*: устаревшее слово остаётся в словаре; *цензура и политкорректность* заставляют исключать некоторые известные грубые выражения; *недостаток профессиональной компетенции*; *экзотизация*, когда общеизвестное, но искажённое слово воспринимается как заимствование; *народная этимология*, когда новые отношения производности приводят к выделению в неизвестном слове ложного корня и проч.

The article considers reasons of error emergence in dictionaries. The author identifies the following types of mistakes: *lexicographic inertia* when an obsolete term remains in a dictionary; *ensorship and political correctness* which make a lexicographer eliminate some well-known rude expressions; *lack of professional competence*; *exotisation* when a commonly known but corrupted word is wrongly recognized as a borrowing; *popular etymology* when new derivative links make a lexicographer define a false stem in an unknown word, etc.

Ключевые слова: ошибки в русских словарях; критика источников.

Keywords: errors in Russian dictionaries; source criticism.

Никто, как правило, не стремится вносить в словарь ошибочные описания. Редкий случай целенаправленной фальсификации по злому умыслу или равнодушию оставим за скобками. Выделим как социальные, так и лингвистические причины, по которым в словарях возникают и сохраняются неполные и неточные описания некоторых слов. Ошибки эти нередко вызываются комплексом причин, но полезно выделить наиболее важные. Примеры частично взяты из словарей, составленных не лингвистами, а литераторами [4–5], криминологами [2]. Некритическое заимствование материала из этих и подобных словарей в академические издания вынуждает обращаться к непрофессиональным словарям в поисках истоков ошибок.

1. *Лексикографическая инерция*. Полемически заостряя проблему критериев истины в языкознании, В. Маньчак показывает лингвистическую специфику проверки гипотезы на истинность при опоре на мнение авторитетов [14: с. 75–76], с чем связано и запоздалое отражение словарями изменений в лексике. Эффект лексикографической инерции можно наблюдать и в словарях жаргона, хотя в них правильность описания менее известного слова приходится проверять иными, часто более сложными, способами, чем в литературном языке. Например, наименование *железный нос* ‘политический заключённый’, повторявшееся в жаргонных словарях XX века и дошедшее до наших дней с толкованием ‘лицо, осуждённое за преступление против порядка управления’ [2: с. 63], восходит к неправильно понятым свидетельствам Ф.М. Достоевского, которого каторжное простонародье без всякого сочувствия именовало «железным носом», как и любого другого

бывшего дворянина, вне зависимости от статьи в приговоре [10: с. 107–108]. Тюркизм в речи конных барышников «**Капчук** — сторублевый кредитный билет» [3: с. 65] отражается до сих пор, хотя конной торговли в прежнем виде не существует уже много десятилетий. При этом в 2001 году слово повторяется уже с половиной неправильно опознанных букв, что делает использование словарной статьи совершенно невероятным: «**КАЙГУН** (*устар.*) — сто рублей» [2: с. 60].

Однако и в словарях литературного языка встречаются анахронизмы, иногда оправдываемые борьбой за культуру речи, например: десятилетиями навязываемое слову *абитуриент* устаревшее значение ‘выпускник школы’, а не актуальное — ‘поступающий в вуз’, многократно обсуждавшееся ударение *йогурт*, не связанное с историей этого заимствования. Принципиальным для корректной работы со слабо документированным словом является точное цитирование источника и запрет на неоговариваемые исправления. Инерция проявляется и в правке записи диалектного слова по нормам литературного языка. Так, калужское *занемогнуть* ‘заболеть’ было ошибочно прочитано как *заницогнуть*, а затем орфографически «исправлено» в *заницёгнуть*, что затруднило настоящее исправление ошибки [9: с. 177]. Инерция обуславливает отсутствие непредвзятого взгляда на печатное свидетельство, авторитет которого абсолютизируется ещё до проведения критической оценки и тем самым увеличивает опасность принятия ошибки.

2. *Цензура, или политкорректность, в обработке источника.* Неопределённость границ и причин запрета на то или иное слово приводят к тому, что на полноте словаря могут сказываться табу разного рода. Границы эти расплывчаты и варьируются от абсолютного запрета в письменной речи (нарушаемого порой в пространстве публичной коммуникации) до стилистических и эстетических ограничений. Отдельные слова, как бранные, так и просто неприличные, не пропускались в словари. Нарушение этого запрета обусловило популярность словаря А. Флегона, порой заполнявшего белые пятна официальных словарей не очень качественно, а иногда и добавляя иллюзорной табуированности: фантомное слово *польтисрак* «штатский» (уст<арелое>) [5: с. 258] следует читать как ***польтафан**, семантика «штатский» возникает на основе метафоры из «одетый в пальто».

В случае полного запрета в словаре нет следов слова вообще, а в случае частичных ограничений словарь отражает скорее данные письменной речи. Этот дисбаланс создаёт трудности при лексикографировании и изучении табуированных слов и формул, например: [11: с. 510–513] и др. Игнорировать этот пласт в научном описании лексики нельзя, потому что «грамматика» типизированных нарушений табу является необходимым компонентом коммуникативного кода социума, составной частью «*когнитивно-дискурсивной парадигмы*» [12: с. 110].

3. *Качества профессиональной компетенции.* В.В. Виноградов в связи с осмыслением проблем исторической лексикографии сформулировал требования к профессиональной компетенции составителя словаря: «Составление древнерусского словаря требует основательной историко-литературной подготовки, глубокого знакомства с исторической лексикологией и семасиологией и широкого этимологического кругозора» [7: с. 22]. Все эти требования, *mutatis mutandis*, применимы и ко всякой иной области лексикографии.

Поучительны в этом отношении наблюдения над продукцией зарубежных коллег. Так, у уже упомянутого А. Флегона читаем: «КАКА-НИКАКА — как-никак: Кака-никака, а своя изба, *Ф. Панферов*» [5: с. 136]. Диалектная форма местоимения именительного падежа единственного числа женского рода со стяжением в окончании *какая-никакая трактуется как наречие.

Иногда можно подозревать ошибку, вызванную догадкой. Причиной ошибки при описании редкого или малоизвестного слова может быть и неоправданная аналогия, но в следующем случае словарь-иностранец, который не знал, как поставить ударение, выставил его по интуиции и промахнулся: *бабóнька* «женщина, девушка (обычно крестьянка)» [5: с. 26]. Разумеется, это *ба́бонька*. Догадка лексикографа неверна, поскольку в русском языке слов с ударением на суффиксе *-оньк* нет, а с *-ёньк* очень мало: *деревенька, сиренька, ступенька*. Но в принципе догадки допустимы и необходимы, поскольку любая гипотеза — это догадка. Проблема возникает на уровне систематической проверки рабочих гипотез. Д.С. Лихачёв писал: «Умение сопоставлять, объединять явления, объяснять один ряд явлений другим, принадлежащим другой области изучения человека и человеческого общества, становится всё более и более необходимым» [8: с. 36]. В этом лексикографу должен помочь и систематизированный опыт исправления ошибок. В частности, на его основе возможным оказывается применение лингвистического эксперимента, как и в других сферах науки о языке, например, в синтаксисе [13]. Чрезвычайно эффективен экспериментальный подход в области исправления словарных записей. Он был обоснован и практически применён В.И. Далем, который старался подобрать осмысленное чтение, перебирая все возможные варианты чтения для записи, восстанавливаемой на основе печатного свидетельства, см.: [9: с. 163].

4. *Интерпретационные установки лексикографа*. Среди интерпретационных установок (не только лексикографических) мы выделяем две противоположные. По одной из них при встрече с незнакомым словом сознание воспринимающего стремится «упростить» ситуацию и увидеть на месте незнакомого что-либо привычное. По другой — наоборот, выбирается «усложнённое» объяснение. Процессы первого типа хорошо известны в лингвистике, например, под названием «народная этимология», для процессов второго типа термин «экзотизация» позаимствован из теории перевода.

Экзотизация как интерпретационная установка может выходить из-под контроля в том случае, когда лексикограф описывает культуру «другого». Порой ошибка вызвана завышенным ожиданием экзотичности, поэтому некритично принимается необычное написание. В олонецком плаче невесты: «Пропиваеть онь <отец невесты> мою вольну-ту волюшку | Что на винную ту чáрому*), | На хмѣльные на напитокки...»; «*) Чáрома – чарка, рюмка» [1: с. 33]. Скорее всего, экзотическое *чарома* усмотрено в тривиальном для контекста свадебной песни слове *чарочка*. Группа *чк* прочитана как *м* О.Х. Агреновой-Славянской.

Экзотизация, думается, проявилась и при цитировании толкования жаргонного слова неясного происхождения: «**Подлачить** – подметить» [3: с. 121]. В позднем издании толкование приводится с опечаткой, по-видимому, неслучайно усиливающей «криминальный» компонент семантики: «**ПОДЛАЧИТЬ** – подменить» [2: с. 126].

Тенденция к усилению экзотичности глубоко закономерна. Она касается не только диалектной лексики в восприятии носителя «городской», статусно доминирующей культуры или жаргонной лексики в восприятии противника жаргона, но и прямо связана с интерпретацией культуры «другого». Противоположностью экзотизации является натурализация, механизмы усвоения, освоения и адаптации, включая народную этимологию.

5. *Народная этимология и сходные интерпретационные установки лексикографа.* Исследование народноэтимологических трансформаций столь же важно, как и научная этимология, поскольку это составная часть реальной истории диалектного слова. Например, изучаются «мотивирующие контексты, данные носителями народной топонимики» [6: с. 91]. Так, народная этимология при освоении грецизмов в традиции славянской книжности отмечалась В.В. Виноградовым на примере славянских слов, созвучных с греческими эквивалентами: *полоумный* (*παλαβόμενος* ‘сумасшедший, дурашливый’), *проныра* (*πονηρός* ‘злой, лукавый’) [7: с. 18, 20].

Выбор стандартного написания предполагает выяснение морфемного состава слова, однако в этой сфере практические решения порой далеки от науки. Ограничимся одним примером. От итальянского названия сумки *borsa* и уменьшительного *borsetta* произведено русск. *борсетка* (103 тыс. в Яндексe), однако более популярно написание *барсетка* (1 млн), подкрепляемое как будто мифической связью с *барсом*. Именно такое написание, отражающее произношение, выбрано в «народном» любительском словаре писателя Б.П. Прибытова: «**БАРСЕТКА** [от *лат.* *bursa* — кошелёк] — небольшая мужская сумка» [4: с. 7], отсылка к «дальнему» латинскому источнику корректна, но не объясняет, почему не *бурсетка.

Примечательно, что автором народной этимологии может выступать и лексикограф. В жаргонном словаре читаем: «**ПОКИДАТЬ** – подслушать» [2: с. 128], за которым стоит глагол из старого сленга русских хиппи *похидать* ‘подслушать’, образованный от формы прошедшего времени английского глагола *heard* ‘слышал’.

Как видно из анализа причин ошибок, среди них нет каких-либо «чисто» лингвистических: ни одна ошибка не появляется в словаре без участия человека. Таким образом, «человеческий фактор» оказывается решающим, и задача подготовки современного лексикографа выдвигается на первый план. Источниковедческая подготовка в обучении словарному делу должна включать формирование таких установок, как критическое отношение к любым (первичным или вторичным) источникам словаря, понимание культурной значимости лексикографической работы и исторической ответственности учёного за результаты своей деятельности.

Библиографический список**Источники**

1. *Агренева-Славянская О.Х.* Описание русской крестьянской свадьбы с текстом и песнями: обрядовыми, голосильными, причитальными и завывальными. Ч. II. Тверь: Типо-Литография Ф.С. Муравьева, 1887. 124 с.
2. *Дубягина О.П., Смирнов Г.Ф.* Современный русский жаргон уголовного мира: словарь-справочник. М.: Юриспруденция, 2001. 352 с.
3. *Потапов С.М.* Словарь жаргона преступников (блатная музыка) / Сост. по новейшим данным С.М. Потапов. М.: [без изд-ва], 1927. 196 с.
4. *Прибытов Б.П.* Язык нашего времени: [неформал. толковник рус. яз.: словарь]. Челябинск: [без изд-ва], 2008. 100 с.
5. *Флегон А.* За пределами русских словарей = Beyond the Russian Dictionary. 3-е изд. London: Flegon Press, [1973]. 408 с.

Литература

6. *Березович Е.Л.* О современных задачах семантико-мотивационной реконструкции народной топонимии // Вопросы языкознания. 2014. № 2. С. 89–109.
7. *Виноградов В.В.* Чтение древнерусского текста и историко-этимологические каламбуры // Вопросы языкознания. 1968. № 1. С. 3–22.
8. *Лихачёв Д.С.*, при участии А.А. Алексеева и А.Г. Боброва. Текстология (на материале русской литературы X–XVII вв.). СПб.: Алетейя, 2001. 759 с.
9. *Шаповал В.В.* В.И. Даль и критика словарей: заглавное слово со знаком вопроса // Русский язык в научном освещении. 2009. № 1 (17). С. 158–181.
10. *Шаповал В.В.* Железноклюй и железные носы // Русская речь. 2010. № 1. С. 107–112.
11. *Шаповал В.В.* Проблемы выявления полонизмов в русском жаргоне // Słowo. Tekst. Czas. T. IX. Człowiek w przestrzeni słownika i tekstu. Szczecin: Print group Sp. z o. o., 2008. S. 507–514.
12. *Шевченко И.С.* Концепты коммуникативного поведения в когнитивно-дискурсивной парадигме // Вестник МГПУ. Сер. «Филология. Теория языка. Языковое образование». 2014. № 1 (13). С. 110–120.
13. *Ярыгина Е.С.* Ещё раз о «коммуникативном подходе» к сложному предложению (к вопросу о возможностях лингвистического эксперимента) // Вестник МГПУ. Сер. «Филология. Теория языка. Языковое образование». 2014. № 3 (15). С. 52–62.
14. *Mańczak W.* O kryteriach prawdy w językoznawstwie // Prawda – prawdy – mity – fałsze w językoznawstwie / Red. naukowa Witold Mańczak i Jan Wawrzyńczyk. Warszawa: Takt, 2009. S. 75–85.

References**Istochniki**

1. *Agreneva-Slavyanskaya O.X.* Opisanie russskoj krest'yanskoj svad'by' s tekstem i pesnyami: obryadovy'mi, golosil'ny'mi, prichital'ny'mi i zavy'val'ny'mi. Ch. II. Tver': Tipo-Litografiya F.S. Murav'eva, 1887. 124 s.
2. *Dubyagina O.P., Smirnov G.F.* Sovremenny'j russkij zhargon ugolovnogo mira: slovar'-spravochnik. M.: Yurisprudenciya, 2001. 352 s.

3. *Potapov S.M.* Slovar' zhargona prestupnikov (blatnaya muzy'ka) / Sost. po novejshim dannym S.M. Potapov. M.: [bez izd-va], 1927. 196 s.
4. *Priby'tov B.P.* Yazy'k nashego vremeni: [neformal. tolkovnik rus. yaz.: slovar']. Chelyabinsk: [bez izd-va], 2008. 100 s.
5. *Flegon A.* Za predelami russkix slovarej = Beyond the Russian Dictionary. 3-e izd. London: Flegon Press, [1973]. 408 s.

Literatura

6. *Berezovich E.L.* O sovremenny'x zadachax semantiko-motivacionnoj rekonstrukcii narodnoj toponimii // *Voprosy' yazy'koznaniya*. 2014. № 2. S. 89–109.
7. *Vinogradov V.V.* Chtenie drevnerusskogo teksta i istoriko-e'timologicheskie kalambury' // *Voprosy' yazy'koznaniya*. 1968. № 1. C. 3–22.
8. *Lixachyov D.S., pri uchastii A.A. Alekseeva i A.G. Bobrova.* Tekstologiya (na materiale russkoj literatury' X–XVII vv.). SPb.: Aletejya, 2001. 759 s.
9. *Shapoval V.V.* V.I. Dal' i kritika slovarej: zaglavnoe slovo so znakom voprosa // *Russkij yazy'k v nauchnom osveshhenii*. 2009. № 1 (17). S. 158–181.
10. *Shapoval V.V.* Zhelezoklyuj i zhelezny'e nosy' // *Russkaya rech'*. 2010. № 1. S. 107–112.
11. *Shapoval V.V.* Problemy' vy'yavleniya polonizmov v russkom zhargone // *Słowo. Tekst. Czas. T. IX. Człowiek w przestrzeni słownika i tekstu*. Szczecin: Print group Sp. z o. o., 2008. S. 507–514.
12. *Shevchenko I.S.* Koncepty' kommunikativnogo povedeniya v kognitivno-diskursivnoj paradigme // *Vestnik MGPU. Ser. «Filologiya. Teoriya yazy'ka. Yazy'kovoe obrazovanie»*. 2014. № 1 (13). S. 110–120.
13. *Yary'gina E.S.* Eshhyo raz o «kommunikativnom podxode» k slozhnomu predlozheniyu (k voprosu o vozmozhnostyax lingvisticheskogo e'ksperimenta) // *Vestnik MGPU. Ser. «Filologiya. Teoriya yazy'ka. Yazy'kovoe obrazovanie»*. 2014. № 3 (15). S. 52–62.
14. *Mańczak W.* O kryteriach prawdy w językoznawstwie // *Prawda – prawdy – mity – fałsze w językoznawstwie / Red. naukowa Witold Mańczak i Jan Wawrzyńczyk*. Warszawa: Takt, 2009. S. 75–85.